

Сценарист Аркадий Инин всю свою жизнь писал "рождественские сказки". Для читателя, более знакомого с другим жанровым делением (крутой боевик, домовая комедия...), он расшифровывает это так: "Это про малютку, которого в рождественскую ночь все-таки нашли, накормили, обогрели". То есть, если перевести опять же на всем понятный видеоязык, Инин — приверженец хэппи-эндов: "Чем сложнее жизнь, окружающая зрителей, тем чаще художник должен давать им какую-то надежду". Всего таких сказок за свою жизнь он написал около пятидесяти, по тридцати из них поставлены фильмы. Среди них такие, как "Сергеев ищет Сергеева", "Отцы и деды", "Одиноким предоставляется общежитие", "На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди", "Не хочу жениться".

Еще Инин уверен, что всю жизнь пишет о вечном — о любви и разлуке, практически не касаясь конъюнктурных тем. Но есть в его сценариях и такое:

— Федя достал из-за пазухи связку гранат, а из нагрудного кармана фотографию.

— Маша! Передай полковнику Петренко его портрет. И скажи: если я погибну, пусть считают меня коммунистом!

— А если погибнут они? — с надеждой указала Мэри на танк.

Федя на миг задумался и решил:

— Тогда пусть их считают коммунистами!

Это из "На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди", последнего фильма режиссера Леонида Гайдая. Наверное, лучшей российской комедии последних лет, которую наше телевидение сейчас крутит уже, кажется, с периодичностью "Место встречи изменить нельзя".

К сожалению, хэппи-энды чаще всего случаются в кино. В нашей жизни для них слишком мало места. Года три назад Инин стал президентом гильдии киносценаристов. И именно на его глазах произошла медленная смерть российского кинематографа: вместо 150 фильмов в год сейчас снимается только 30. Впрочем, обо всем этом Аркадий ИНИН может рассказать сам:

Задача гильдии киносценаристов такая же, как и у гильдии молочников или колбасников: защита профессиональных интересов. Именно профессиональных, а не творческих. Когда-то покойный Каплер и Толя Гребнев ездили на какой-то международный конгресс сценаристов. И Толя, человек чистый и восторженный, рассказывал, как у них шел там разговор: "Мы им все время говорим: 'Ребята, надо поговорить о проблеме сюжета и фабулы в сценарии'. Они отвечают: 'Нет, мы сначала обсудим, сколько надо платить за видеокассеты — 2, 1,5 или 1,8%'. Мы: 'Да какая разница. Давайте поговорим о характере в кино'. Они: 'Да нет. Надо поговорить об отчислениях...' — и так далее.

Мы же все были художники, творцы... В деньгах ничего не понимали. И искренне сопереживали Толе. Как же так, собрались творческие люди и говорят про деньги, когда надо говорить о судьбах кинематографа. Но потом мы поняли, что каждый сценарист — это одинокий волк, который сидит один дома и творит. И то, что он творит, это его дело, мы в это вмешиваться не можем. А задача гильдии — защитить его материальные и авторские права.

■ Мы теперь поняли, что в этих суровых законах капитализма ничего не смыслим. И нужна гильдия, чтобы отстаивать наши профессиональные права. Поначалу мы отстаивали. Разрабатывали типовой договор на сценарий,

рассказывают истории, а мы рассказываем о своих проблемах. Мы не можем просто написать: в комнату входит женщина и говорит: "Я твоя дочь, которую ты потеряла в поезде 42 года назад. Здравствуй, мама!" На что мама отвечает: "Но папа не знает, что ты его дочь, папа думает, что у него сын". Мы должны объяснить, как это случилось, куда она ехала, какие личные или государственные проблемы заставили ее забыть о малютке...

Не можем мы писать, как в анекдоте. Когда приходит взрослый мужик к женщине и спрашивает: "Вы Иванова? — Да. — Вы в 45-м году жили в городе Смоленске? — Да. — Вы аборт тогда делали? — Да. — Плод выбросили в мусорный ящик во дворе дома 17? — Да. — Здравствуй, мама".

Хотя, наверное, подрастает поколение, которое сможет, у которого свежие мозги...

■ Раньше мне звонили и спрашивали, есть ли у тебя сценарий. Теперь звонят и спрашивают, есть ли у тебя бабки. Потому что, если есть бабки, любой официант может принести меню своего ресторана, и по этому меню сделают фильм со звездами мирового кино.

Сценарный рынок заполнен. Раньше снимали по 150 фильмов в год, сейчас — по 30. И если сценарист — настоящий художник и умеет писать только высокохудожественные сценарии, то он нищий и совершенно невостребованный человек (кроме отдельных личностей). То же и с режиссерами.

АРКАДИЙ ИНИН: "ДЛЯ КОМЕДИИ Я НАПИШУ СЦЕНАРИЙ БЕСПЛАТНО"

Моск. комсомолец — 1996. — 17 апр. — с. 8

минимальные ставки, ниже которых нельзя платить сценаристам. Но жизнь показала, что не может быть в стране беспредел, а в сценарном деле порядок. И все наши труды разбиваются о дикий рынок. Нет никаких низших ставок, высших ставок. Точно так же, как продают калоши, продают и сценарии. Договорился за сто тысяч — продаешь за сто, договорился за десять — продаешь за десять.

■ Самое интересное, что перед рынком самыми незащищенными из всех творческих людей оказались кинематографисты. Ведь ВААП (Всероссийское агентство по авторским правам) целых 70 лет защищало интересы всех: композиторов, писателей... Только людей кино они не хотели защищать. И их можно понять, ведь необходима сложная и дорогая система отслеживания показа наших фильмов. Теперь же миллион студий кабельного и местного телевидения...

И сейчас на базе Союза кинематографистов мы создали свое агентство по авторским правам — РАПАС, которое эти показы отслеживает и полученные отчисления делит между теми, кому принадлежат авторские права. По закону это режиссер, сценарист и композитор.

Мало того, на нас сразу же стали выходить агентства из других стран. Немцы, например, по собственной инициативе отслежили прокат наших фильмов у них и даже прислали за него деньги. Это, конечно, не миллионы, но и не копейки, а все-таки марки. Они очень хотят нами заниматься, хотят даже больше, чем мы сами. Потому что понимают, что российский рынок огромный и надо помочь нам преодолеть тот видеопиратский беспредел, который у нас творится.

Оказалось, что творцы и коммерсанты — две вещи несовместимые. В начале перестройки у нас была куча планов: мы откроем собственные предприятия, будем заниматься коммерцией, издавать книги, устраивать концерты. Не только у нас. Гильдия кинорежиссеров даже открыла какой-то торговый дом. И, наверное, все это даже возможно. Но для этого надо иметь другой тип головы. Мы пытались нанять каких-то менеджеров, но те, что был нам по карману, ничего не могли сделать, а крупным фигурам надо огромные зарплаты платить.

В итоге и так и все другие "умные" люди, мы держали деньги гильдии в "Чаре", и, пока она функционировала, мы на проценты могли существовать. Но потом "Чара" прогорела, и теперь мы такие же нищие, как и все прочие.

■ "Петербургские тайны" — отличный сериал. Отличный сценарий, отличные актеры. Но он не имел того зрительского успеха, как все эти мыльные оперы. "Тайны" слишком уж высокохудожественное произведение для того, чтобы оно нашло отклик в сердцах зрителей. Не так у нас устроены мозги. Мы — другая сценарная школа. Они (мексиканцы, бразильцы)

Если же сценарист не художник, а, как я, ремесленник, профессионал, который может написать и эстрадный шоу, и телепрограмму, и сценарий рекламы, то такие люди не пропадают.

■ Но я очень скучаю, я тоскую, я места себе не нахожу, потому что уже третий год у меня не снимается ни одного фильма. Мне недавно позвонили и спросили робко, не возьмусь ли я написать сценарий для комедии, которую хочет снять одна фирма. И сколько я попрошу за этот сценарий. Я допустил промашку — сказал, что для комедии напишу сценарий бесплатно. Они, видимо, так испугались, потому что сценарий сегодня стоит 10—15 тысяч долларов, что больше не звонят. Теперь я официально через газету "Московский комсомолец" хочу официально заявить, что если есть фирма, которая хочет снять кинокомедию, то сценарий я напишу бесплатно, потому что я очень тоскую по кино.

■ К сожалению, я испорчен долгой жизнью в кинематографе, когда я писал под авансы, под заранее вставленные в планы киностудий строчки. Так было двадцать с лишним лет. И сейчас очень трудно перестраиваться. Конечно, если бы я был высоким художником, работающим по принципу "Не могу молчать", то я что-то писал бы, пускай даже в стол. Но я не такой. Хотя сейчас даже мне не писать для кино становится невыносимо.

■ В моих сценариях всегда хорошие концы, хэппи-энды. И, на мой взгляд, чем драматичнее время, в котором мы живем, тем больше художник должен давать людям надежду. Многие со мной не согласны. Вот, например, я говорю, что всю жизнь пишу "рождественские сказки", и говорю это с гордостью. А другие говорят обо мне те же слова, но говорят их с пренебрежением. Вот и все.

■ Раньше жизнь в гильдии бурлила и кипела. К нам прибежали, были постоянные чаепития, и не только чаепития, всегда были какие-то гости, кто-то читал чего-то. Сейчас это все зачухало. Нет денег, соответственно не на что купить водки, бутербродов, арендовать кафе. И это уже вряд ли все возродится. Мы уже идем к мировой системе жизни. Мы хотим, чтобы жизнь у нас была, как во всем мире. Когда мы снимали фильм "На Дерибасовской хорошая погода...", у нас главную роль играла американская актриса. И во время съемок в Москве мы ее водили в Дом кино, на наши посиделки, на все премьеры. Она была просто в шоке. Она говорила: "Что это за страна? У нас такого близко даже нет. Чего вы так дружите?". Вся наша жизнь приводила ее в неопишуемый восторг. И раз мы идем к западным стандартам жизни, мы, наверное, будем, как в Голливуде, получать по 40 тысяч долларов за сценарий, но уже не будем узнавать друг друга на лестнице.